

Домой съ небесъ, въ чуть слышный шелестъ травъ,
Издалека, въ суглинокъ косогора,
Такъ близко къ солнцу жить не пожелавъ,
Онѣ летять, онѣ вернутся скоро.

Въ свинцовомъ небѣ, призракомъ весны
Малиновая сѣнь березъ недвижна.
Во тьмѣ могилъ напрасно видѣть сны,
Не угадать покоя вешней жизни.

Такъ незамѣтно радость расцвѣла.
Вотъ низкій домъ, и мы съ тобой у цѣли.
Весенній дождь шумѣлъ въ тѣни ствола,
Мы долго слушали и говорить не смѣли.

Борисъ Поплавскій.

1933.

Къ столѣтію „Русскихъ Ночей“

«Вотъ, господа, слѣдствіе односторонности и спеціальности, которая нынче почитается цѣлію жизни; вотъ что значитъ полное погруженіе въ вещественныя выгоды и полное забвеніе другихъ, такъ называемыхъ бесполезныхъ порывовъ души. Человѣкъ думалъ закопать ихъ, законопатить хлопчатой бумагой, залить дегтемъ и саломъ, — а они являются къ нему въ видѣ привидѣнія: тоски непонятной!»

Этотъ крикъ доносится къ намъ изъ книги, законченной сто лѣтъ тому назадъ, «Русскихъ Ночей» Одоевскаго. Странная судьба у этого произведенія. Одоевскій долго работалъ надъ своей любимой вещью: въ основныхъ чертахъ она была закончена въ 1834 г., но прошло цѣлыхъ десять лѣтъ, прежде чѣмъ онъ рѣшился опубликовать ее. Отдѣльныя повѣсти появлялись въ журналахъ, но сама книга увидѣла свѣтъ только въ 1844 г. Встрѣчена она была почтительно, но холодно. Скоро ее позабыли совсѣмъ. Понадобилась работа цѣлаго поколѣнія историковъ литературы, чтобы вновь обратить на нее вниманіе; въ 1913 году «Русскія Ночи» вышли вторымъ изданіемъ. Но, думается, только наше время въ состояніи вполнѣ оцѣнить книгу Одоевскаго. Нуженъ былъ горькій опытъ войнъ и революцій, чтобы понять, насколько правдивъ тотъ безпощадный анализъ механизациі жизни и распада культуры, который содержится въ «Русскихъ Ночахъ». Современникамъ казалось, что «Сіятельный Князь Albert le Grand, Hoffman II»

(такъ называла Одоевскаго графиня Ростопчина) просто предался мрачному фантазерству.

Три юныхъ философа или, какъ ихъ тогда называли, любомудра, задумываются надъ судьбой человѣчества. Съ свѣтскаго бала, забывъ о мазуркѣ, отправляются они къ Фаусту, другу ихъ, мистика и ученому, представляющему собою весьма лестный автопортретъ Одоевскаго. Фаустъ долженъ разрѣшить всѣ ихъ сомнѣнія, отвѣтить на всѣ ихъ вопросы. Онъ дѣйствительно, отвѣчаетъ, однако, не сразу и не просто. У него, оказывается, имѣется рукопись какихъ-то молодыхъ искателей истины. Чтеніе этой рукописи, состоящей главнымъ образомъ изъ аллегорическихъ повѣствованій, и обсужденіе ея составляютъ сюжетъ «Русскихъ Ночей».

Что же содержитъ эта рукопись? Къ какимъ заключеніямъ приходятъ «молодые искатели истины»? Невеселы ихъ выводы. Культура находится въ состояніи омертвѣнія и распада. Все больше и больше стремится каждый уйти въ свою область, отгородиться отъ всего остального, чтобы уединиться въ своей специальности. Специализація своей односторонностью разрушаетъ цѣлостность міра. Наука распадается на науки; она уже не способна могущественнымъ обобщеніемъ философской мысли объять вселенную. Изсякаютъ творческія силы; поэтъ самъ уже перестаетъ вѣрить въ свое таинственное назначеніе, онъ потерялъ высокій даръ вымысла и искусство «уже не переносится въ тотъ чудесный міръ, въ которомъ бывало отдыхалъ человѣкъ отъ грусти здѣшняго міра». Гибнетъ наука, гибнетъ искусство, гибнетъ и религіозное чувство.

На смѣну культурѣ идетъ механика, бездушный міръ выкладокъ и вычисленій, все подчиняющій одной лишь мысли: утилитаризму. Онъ стремится къ одному: къ пользѣ, но ея то онъ и не достигнетъ. Искусственно устроенная, организованная, безблагодатная жизнь уничтожить самое себя. Въ повѣстяхъ «Городъ безъ имени» и «Послѣднее Самоубійство» Одоевскій набрасываетъ аллегоріи грядущей катастрофы. Мрачной поэзіи полно начало «Послѣдняго Самоубійства».

— «Давно уже аравійскія песчаная степи обратились въ плодоносныя пажити; давно уже льды сѣвера покрылись тукомъ земли; невозвѣрными усиліями химіи искусственная теплота живила царство вѣчнаго холода... но все тщетно: протекли вѣка и животная жизнь вытѣснила растительную, слились границы городовъ, весь земной шаръ отъ полюса до полюса обратился въ одинъ обширный, заселенный городъ, въ который перенеслись вся роскошь, всѣ болѣзни, вся утонченность, весь развратъ, вся дѣятельность прежнихъ городовъ; но надъ роскошнымъ градомъ вселенной тяготѣла страшная нищета и усовершенствованные способы сообщенія разносили во всѣ концы шара лишь вѣсти объ ужасныхъ явленіяхъ голода и болѣзней; — еще возвышались зда-

нія; еще нивы въ нѣскольکو ярусовъ, освѣщенные искусственнымъ солнцемъ, орошаемыя искусственною водою, приносили обильную жатву, — но она исчезала прежде, нежели успѣвали собирать ее; на каждомъ шагу, въ каналахъ, рѣкахъ, воздухѣ, вездѣ тѣснились люди, все кипѣло жизнью, но жизнь умерщвляла сама себя».

Тяжко жить и трудно жить въ мѣрѣ, когда надъ нимъ уже нависло проклятiе. Надо признаться, Одоевскій и самъ зараженъ тѣмъ процессомъ механизации, который его такъ пугаетъ. Большинство его повѣстей, несмотря на бутафорию, взятую на прокатъ у нѣмецкихъ романтиковъ, лишено освобождающаго размаха фантазiи; онѣ искусны, но и искусственны, и выдумки въ нихъ больше, чѣмъ вдохновенiя. Да и сама форма «Русскихъ Ночей», смѣсь философскихъ диалоговъ съ повѣстями, изобличаетъ художественную немощъ автора: онъ чувствуетъ, что не можетъ до конца сказаться творчествомъ и поэтому, расталкивая своихъ аллегорическихъ волшебниковъ, самъ выступаетъ на сцену.

На фонѣ русской литературы XIX-го вѣка, полной творческой жизни, Одоевскій явленiе исключительное. Онъ одинъ пишетъ не отъ полноты, а отъ недостатка, отъ пустоты и одиночества, задыхаясь, срываясь, хриплымъ голосомъ, порой достигая своеобразной мрачной и сухой гармонiи, но чаще запутываясь въ собственныхъ холодныхъ измышленiяхъ. Ему одному не хватаетъ воздуха.

Хотя основной тонъ «Русскихъ Ночей» и глубоко пессимистическiй, заканчиваются онѣ мажорно. Россiя призвана спасти духъ Европы; ея свѣжiя силы уберегутъ его отъ умиранiя. Въ ней и черезъ нее совершится возрожденiе культуры. Возрожденiе это Одоевскiй понимаетъ нѣскольکو внѣшне. Ему кажется, что для того, чтобы воссоединить въ одно цѣлое распадающiяся части культуры, достаточно просто сложить ихъ вмѣстѣ, какъ если бы культура была какой-то мозаикой. Поэтому вмѣсто синтеза находимъ мы у него лишь энциклопедизмъ, вмѣсто обновленiя — причудливое соединенiе стараго и новаго. Онъ хочетъ «самыхъ свѣжихъ устриць и самаго гнилого сыра, то-есть, современности индустриальной и материальной и древнихъ пыльныхъ знанiй Алхимiи и Кабалы», по мѣткому выраженiю Хомякова.

М. Горлингъ.